

Они петляли по этому зелёному лабиринту довольно долго. Шэнь Чан Ань уже сбился со счёта, сколько раз они поворачивали – то налево, по узкой дорожке, вымощенной старыми, потёртыми временем каменными плитами, то направо, в тенистую прохладу аккуратно подстриженной бамбуковой рощи. Голова у него пошла кругом, когда они наконец вышли к огромному, величественному особняку, стилизованному под старинную китайскую усадьбу – с загнутыми вверх углами черепичной крыши, резными деревянными балками и массивными дверями.

Вокруг особняка не было ни забора, ни ограды в привычном понимании этого слова. Его защитой, словно тайной ширмой служили буйные, пышные заросли цветущих кустарников, образующих естественную, благоухающую стену. Эта живая изгородь придавала дому особый, трудно передаваемый словами шарм – налёт таинственности, отрешённости от мира, какой-то древней, благородной загадочности.

Шэнь Чан Ань мельком глянул на пакет с фруктами, который по-прежнему нёс молодой человек, потом на букет ярких солнечных цветов в собственных руках и с лёгким смущением подумал: а не слишком ли скромно, не по-деревенски ли выглядят его подношения на фоне всей этой показной, но при этом естественной, без крикливости, роскоши?

Не успел он додумать эту мысль до конца, как тяжёлые створки парадной двери распахнулись настежь, и оттуда, словно по мановению волшебной палочки, высыпало несколько человек. С приветливыми, радушными улыбками они окружили Шэнь Чан Аня и, бережно, но настойчиво подталкивая в спину, почти внесли его внутрь дома. Оказавшись в центре этого людского водоворота, он совсем растерялся, не зная, куда девать руки и как реагировать на такое бурное, почти театральное гостеприимство.

В голове вдруг, совершенно некстати, всплыла ассоциация из старого, любимого с детства фильма: а ведь точно так же, с таким же шумом и суетой, мелкие бесы, небось, затаскивали бедного Танского монаха (1) в своё логово, в пещеру к демонам рангом повыше. То же ощущение нереальности, сказочности происходящего.

Но едва его нога переступила порог просторного холла, как весь этот шум, вся эта суета мгновенно стихли, словно обрезанные ножом. Люди, которые только что улыбались, суетились, наперебой предлагали пройти, теперь застыли на месте, чинно выстроившись в ряд у самого подножия лестницы, ведущей вглубь дома. Никто из них не осмеливался подняться выше по ступеням – казалось, стоит им сделать ещё один шаг, и их поразит небесная кара, испепелит на месте за нарушение невидимой, но нерушимой границы.

– Господин Дао Нянь, простите за беспокойство, – произнёс Шэнь Чан Ань, переступая порог и ступая на мягкий, пушистый ковёр, который, казалось, был соткан из облаков. Ноги утопали в этом ворсе, и у него возникло странное, почти физическое ощущение, что он идёт не по полу, а парит где-то высоко над землёй.

– Чан Ань, – Дао Нянь, сидевший в глубине комнаты на низком диване, поднял голову и взглянул на вошедшего. – Присаживайся.

- Благодарю, - Шэнь Чан Ань сделал несколько шагов вперёд, но остановился на почтительном расстоянии, не решаясь подойти ближе. - Господин Дао Нянь, позвольте узнать, нет ли у Вас аллергии на цветочную пыльцу? Если нет, я бы хотел попросить вазу, чтобы поставить эти цветы.

- Хорошо, - Дао Нянь, не отрывая взгляда от гостя, лишь чуть повёл головой, бросив короткий взгляд куда-то вверх, в сторону второго этажа.

Не прошло и полминуты, как на лестнице послышались лёгкие шаги, и оттуда спустился ещё один помощник, бережно неся в руках изящную, словно светящуюся изнутри матовым молочным блеском, вазу, больше похожую на нефритовую, и рядом с ней - садовые ножницы с длинными, тонкими лезвиями.

Шэнь Чан Ань, никогда прежде не занимавшийся икебаной и вообще не считавший себя знатоком прекрасного, действовал просто и бесхитростно: отрезал длинные стебли покороче, кое-как обципал нижние листья и просто затолкал цветы в вазу - плотным, жизнерадостным, хоть и несколько хаотичным пучком. Покончив с этим нехитрым делом, он, чувствуя себя немного неловко за свою безыскусность, всё же осмелился спросить:

- Господин Дао Нянь, а куда лучше поставить вазу?

Дао Нянь молча указал рукой на резную деревянную подставку для цветов, стоявшую у панорамного окна.

Шэнь Чан Ань аккуратно водрузил вазу на подставку, отошёл на шаг, любовался, поправил один выбивающийся стебелёк, и, обернувшись, встретился с внимательным, немигающим взглядом Дао Няня. Ему тут же стало не по себе: он решил, что хозяин дома, человек, несомненно, утончённого вкуса, просто в ужасе от его варварского обращения с цветами. Чтобы скрыть смущение, молодой человек выдал из себя сухой смешок и поспешил перевести разговор на другую тему:

- А у вас... у тебя (2) всегда так много помощников по дому?

- Обычно нет, - Дао Нянь опустил веки и уставился в одну точку, на горячий чай в чашке, стоящей на столе. Казалось, его мысли витают где-то далеко.

---

1. 坦僧 (táng sēng) - Танский монах - это одно из имён Тан Сюань Цзана, знаменитого китайского буддийского монаха, учёного, философа, путешественника и переводчика, который отправился в Индию, чтобы привести в Танский Китай буддийские тексты. На его истории основана сюжетная линия романа "Путешествие на Запад". Именно Тан Сюань Цзан подчинил себе Сунь У Куна, который был тем ещё балагуром и оборотом. В китайской культуре является нарицательным образом праведника, которого постоянно пытаются похитить и съесть демоны

и чудовища.

2. Раньше он обращался к Дао Няню "Вы (你, nǐ)", а сейчас, следуя за самим Дао Нянем, перешёл на менее формальное "ты (你, nǐ)". Мне показалось уместным сделать здесь заминку в речи, хотя в оригинале её нет. При этом он продолжает звать его "господином (先生, xiānsheng)". Не знаю, сделано ли это намеренно, но помимо уважительной формы обращения Сянь Шэн к учителю или наставнику, мастеру предсказаний, это также является обращением к мужу. Возможно, выбор слова и обращения неслучаен уже с первых глав.

<http://bllate.org/book/16518/1504478>